

А.В. Якуб

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 1917–1941 гг.: ИДЕНТИФИКАЦИЯ «СВОЙ» И «ЧУЖИЕ» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00153.

Рассмотрены представления отечественных филателистов об основных периодах становления советского филателистического движения в 1917–1941 гг. На основе анализа публикаций в официальном советском филателистическом журнале «Советский филателист» / «Советский Коллекционер» выделяются основные периоды становления советского этого движения с точки зрения современников – организаторов филателии. Дается анализ взаимодействия государственных и общественных организаций в области филателии.

Ключевые слова: РСФСР; СССР; филателия; государственные и общественные организации; «Свой» и «Чужой».

В своем желании систематизировать исторический процесс любой исследователь склонен к попыткам определить основные периоды, этапы развития того или иного исторического процесса или даже отдельно взятого исторического события. Исследователь фактически разрезает ткань истории и заменяет пусть и неуловимую, но единую нить времени отдельными временными структурами, которые представляют собой разрыв, нарушение преемственности. В итоге возникает потребность не только определить хронологические рамки каждого такого отрезка, но и идентифицировать его внутреннее содержание и специфику, которые отличаются как от предыдущего периода, так и от периода последующего.

Следует помнить о том, что само время является прямым участником познания. Любой историк изучает прошлое с позиции современной ему общественной среды, на основе современного опыта. В частности, в советский период историческая наука исходила из принципа объективности, который понимался как принцип партийности. Ученый должен был стоять на позиции единственно прогрессивного рабочего класса и, выражая его интересы, решать все встающие перед наукой задачи. Поскольку аксиологичное, ценностно ориентированное по своей природе историческое знание несет не только информацию об объекте, но и о субъекте познания, выражая отношение последнего к познаваемому объекту, фиксируя его позицию, постольку при любой попытке построения периодизации истории, в том числе более конкретной, частной исторической проблемы, всегда неизбежно возникает стремление дать свою, субъективную оценку как исследуемого отрезка исторического развития в целом, так внутреннего содержания основных этапов конкретной проблемы в частности.

Специфика нашего сюжета – история становления филателистического движения в РСФСР / СССР в 1920–1930-е гг. заключается в том, что попытки каким-то образом систематизировать материал предпринимались совсем не историками. Основная масса статей, которые с большой натяжкой можно отнести к научным публикациям, появились на страницах единственного советского официального филателистического журнала, издававшегося с 1922 по 1932 г. Это, как правило, передовые или юбилейные статьи, при-

уроченные к тому или иному праздничному событию. Их авторы – не профессиональные историки, которые могли бы попытаться в рамках исторического подхода проанализировать ход и становление филателистического движения в Советской России, выделив и охарактеризовав специфику основных его этапов. Это были люди, часто имевшие весьма отдаленное отношение к филателии как области коллекционирования и оказавшиеся у руля филателистического движения, как правило, по партийному приказу. Их представления не выходили за рамки тогдашних партийно-политических установок, поэтому они и в теории филателии, и на практике стремились следовать «генеральной линии партии». Но сама эта «линия» за два десятилетия претерпевала серьезные колебания, а отсюда и их представления об основных этапах развития филателистического движения в РСФСР / СССР колебались вместе с официально принятой «линией». Такая ситуация подкрепляется уникальностью источниковой базы, поскольку единственным источником, на основе которого можно попытаться реконструировать понимание современниками процесса развития филателии в 1920–1930-е гг., является специализированный филателистический журнал, являвшийся фактическим проводником государственной политики в области филателии среди отечественных коллекционеров.

Первая попытка периодизации становления и развития советского филателистического движения была предпринята на страницах первого номера журнала «Советский филателист» осенью 1922 г. Предложенный Ф.Г. Чучиным вариант фактически представлял собой рабочую схему для всех последующих попыток систематизировать историю филателистического движения в России. Уже здесь для объяснения развития российской филателии был заложен принцип традиционной бинарной оппозиции, где категории «Свой» и «Чужой» представляют собой оппозицию двух культурных феноменов в истории российского общества.

Итак, все, что относится в истории филателистического движения к периоду до Октябрьской революции 1917 г., принадлежит категории «Чужой». Филателия в то время не была фавориткой культурной жизни в России, ее распространение заметно уступало

странам Европы и Америки, она оставалась уделом для занятий либо представителей царской семьи, либо дворянства, буржуазии и чиновничества. Для широких народных масс филателия оставалась terra incognita, что объяснялось общим бескультурьем большинства населения. Одним из доказательств такого положения дел, по мнению редакции, было полное отсутствие специализированных каталогов знаков почтовой оплаты на русском языке. Это еще более усугубилось в годы Первой мировой войны и последующих событий в России, когда «...у людей не было ни времени, ни желания, ни возможностей заниматься филателией» [1. С. 1].

Однако дата, когда, собственно, начинается советская филателия, фактически отодвигается именно на 1922 г. Таким образом, восьмилетний период, с 1914 по 1922 г., предстает как некое единое целое, в рамках которого сосуществует и старое, и новое, но значение Октябрьской революции как некоего водораздела между «Чужим» и «Своим» полностью исчезает. Вероятно, такая утрата «большевизма в филателии» объяснялась в том числе тем, что первый номер журнала, предоставивший свои страницы для программных статей в области филателии, вышел без согласования с уполномоченным ЦК Помгол (Правительственная Центральная комиссия помощи голодающим) при ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей Ф.Г. Чучиным, старым партийцем-большевиком, назначенным на эту государственную должность с целью использования потенциала филателии как инструмента для решения политических и социально-экономических задач, стоявших перед Советской Россией в тот период.

Ситуация была исправлена уже во втором номере журнала. Во-первых, на обложке появился лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», что прямо указывало на фактическое установление контроля со стороны партийно-советского руководства страны. Это превращало журнал «Советский филателист» в монополиста в области филателистической периодики тех лет и очень быстро привело к исчезновению любой несоветской коллекционерской прессы. Во-вторых, назначение Ф.Г. Чучина ответственным редактором журнала должно было способствовать укреплению государственного подхода к филателии и к расширению возможностей использовать прессу для решения задач социалистического строительства в стране.

Меняется и содержание передовых статей журнала, в которых в периодизацию истории филателистического движения в России определяет Октябрьская революция 1917 г. Именно революция – ключевое событие, отделяющее дореволюционный этап от этапа начала строительства социализма, в том числе и в филателии. Теперь уже сам Ф.Г. Чучин публикует первую из своих установочных статей, озаглавленную весьма красноречиво: «Октябрьская революция и филателия». Предложенный принцип членения исторического процесса в целом и филателистического движения в частности основывается теперь исключительно на классовом, пролетарском подходе. Первый период характеризуется им как буржуазно-

дворянский, царский период, в котором «...авансцену у рампы, при свете прожекторов, занимали короли, князья, дворяне, помещики, банкиры и их вензеля и гербы». Октябрьская революция начинает новый этап в истории филателии в России, именно ее победа поднимает филателию «на небывалую в мире идейную и научную высоту», задача которой «служить ликвидации последствий голода и улучшению жизни детей, восходя постепенно до уровня настоящей прикладной (вспомогательной) пролетарской науки» [2. С. 1–5].

Мнение Ф.Г. Чучина о характере и содержании первого, дооктябрьского периода развития филателистического движения в России разделял Б. Раевский, представитель так называемых идейных филателистов, коллекционеров. Это был, по его мнению, период, когда филателия «...если не была в загоне, то во всяком случае рассматривалась как занятие детское, имеющее целью исключительно развлечение. Если ею занимались взрослые люди, то на последних смотрели как на чудаков, не знающих, чем убить свое время и свои деньги» [3. С. 7].

Чуть позднее Ф.Г. Чучин, в свойственной ему эмоциональной и красочной манере публициста, вновь обращается к теме дореволюционной российской филателии. Исходя из приоритета государственного и общественного над индивидуальным, он констатирует факт, что в царской России общественной и государственной филателии не существовало. Действовавшие самостоятельно российские филателисты-одиночки «находились под влиянием немецкой авторитарно-буржуазной филателии» и слабо были связаны между собой. Вывод Ф.Г. Чучина весьма красочен: «Понятно, что в девственном лесу обширной российской равнины у невежественного и некультурного населения не могло развиваться нормального разумного увлечения коллекционированием, а общественно-дикие и суровые условия самодержавного режима позволили вырасти на филателистическом поле одной крапиве и чертополоху» [4. С. 2].

К характеристике дореволюционного этапа развития филателистического движения в России уже в начале 1930-х гг., после смены внутривластного курса в конце 1920-х гг., значительно изменившего лицо как государственной, так и общественной филателии в СССР, возвращается новый руководитель Всероссийского общества филателистов и ярый оппонент Ф.Г. Чучина и его соратников К. Дунин-Борковский. Однако его представления о развитии филателии в царской России мало чем отличались от идейных установок предшественников.

По его мнению, при царском режиме в России не было ни сколько-нибудь заслуживающих внимания общественных филателистических организаций, ни научного подхода к филателии, ни признания ее широкой общественностью. Два-три малочисленных филателистических кружка, громко именовавших себя «обществами» и напоминавших самые захудалые отделы нынешнего Всероссийского общества филателистов (ВОФ), два-три чахлах, худосочных спекулятивных листка, изображавших «периодические журналы», и полное пренебрежение со стороны общественности составляли весь актив дореволюционной филателии.

Тем не менее К. Дунин-Борковский вынужден признать существование в этот период немногочисленных серьезных коллекционеров почтовых марок, которые, однако, были вынуждены таиться от общества и семьи со своими занятиями. Такая ситуация превращала филателию в предосудительное занятие и загоняло ее в подполье.

Однако вывод, к которому приходит К. Дунин-Борковский, весьма интересен. Если Ф.Г. Чучин винил *царский режим* в бескультурье широких масс, что, по его мнению, ограничивало возможности распространения филателии, то К. Дунин-Борковский фактически обвиняет *сами массы* в дореволюционной России в присущем им бескультурье. Это приводило, на его взгляд, к ситуации, когда непосвященные и особенно малокультурные слои встречали занятие филателией с враждебностью и насмешкой: «Надо ли удивляться, что филателия, занятие глубоко культурное, но не имевшее ввиду своей молодости корней в массах, – встречалось этими массами в штыки и выставлялось нередко на посмешище». Этот интеллектуальный снобизм, проявляемый К. Дуниным-Борковским не только в оценке дореволюционной ситуации в филателии в России, по-видимому, в том числе, дополнительно сыграл свою отрицательную роль в дальнейшем развитии общественного филателистического движения в СССР, начиная с 1930-х гг., кардинально повлияв и на его собственную судьбу [5. С. 291].

Таким образом, в периодизации истории отечественной филателии характеристика первого, дореволюционного, периода ее развития среди тогдашних «идейных филателистов-коллекционеров» не вызывала каких-либо разночтений. Этот период трактовался исключительно как «чужой», который необходимо было предать ostracismu ввиду его непролетарской сущности. Единственное, но ключевое разночтение в понимании его сущности среди «идейных филателистов-коллекционеров», заключалось в определении даты отсчета именно *советской* филателии. Все говорило о том, что такой датой должен стать 1922 г., когда появилось специальное постановление ВЦИК и СНК по филателии и вышел в свет первый номер общероссийского специализированного журнала «Советский филателист».

Однако возникал вопрос, что делать с первым пятилетием существования Советской России и как следует характеризовать процессы в российском филателистическом движении, пусть и весьма аморфным, в эти годы. Первая попытка дать системный анализ развития филателистического движения уже в Советской России была предпринята Б. Розовым. Он предложил особо выделить период с ноября 1917 по февраль 1921 г. Б. Розов определяет этот период как «период бури и натиска». Это период сосуществования самых разных представлений о месте и роли филателии в повседневной и общественной жизни того времени.

Как указывает Б. Розов, для «филателистов-собственников» этот период является «самым мрачным периодом российской филателии». Сами же эти филателисты распались на две группы. Первую представляли «филателисты-мародеры», которые пополняли свои коллекции за счет богатых коллекций

представителей буржуазии и дворянства, преимущественно эмигрировавших за границу. Не гнушались они и открытым расхищением государственных запасов филателистического материала. Вторую группу составляли такие же мародеры, которые со временем и в силу разных обстоятельств либо подверглись экспроприации со стороны первых, либо просто напросто уничтожили свои коллекции.

В целом Б. Розов определяет «период бури и натиска» как время «...тяжелых сомнений, потрясений, неуверенности, боязни за свои коллекции – для одних, счастливой возможности пожить за чужой счет для других, для третьих же – временем проявления гражданского мужества в борьбе за революцию рука об руку с пролетариатом и крестьянством России». Но последние, по его мнению, заметно уступали первым двум категориям. Причины этого, на его взгляд, коренились в двух обстоятельствах. Первое – это сохранение представления о том, что филателия является искривлением буржуазной психики, настолько сильным, что «...целых шесть лет советского режима никак не могут его исправить» (статья Б. Розова была опубликована в мае 1924 г.).

Вторая причина такого положения дел заключалась в неумении тогдашних филателистов «...направить филателию в надлежащее русло государственности и общественности, благодаря чему филателия в лучшем случае создавала впечатление ловкой и непонятной для непосвященных спекуляции за счет государства».

Б. Розов подчеркивал, что первое обстоятельство, к сожалению, не исчезло и к моменту написания данной статьи, т.е. к 1924 г. За второе обстоятельство, по его мнению, несет созданное в марте 1918 г. Московское общество филателистов и коллекционеров (МОФИК). Это общество, по Б. Розову, не сумело и не смогло понять и учесть значимость Октябрьской революции и вплоть до своего роспуска в феврале 1921 г. оставалось по своей природе старым буржуазным обществом, замкнутой цеховой организацией. Однако он признает, что по своему составу МОФИК все же не было однородной организацией. Часть его членов стремилась к определенной, в том числе идейной перестройке, но большинство, которое до революции входило в состав Московского общества собирателей знаков почтовой оплаты, было пропитано буржуазной идеологией, крайним индивидуализмом, рассматривая себя как круг избранных, заинтересованных лишь в пополнении своих коллекций.

Следующий период, по Б. Розову, это «период отрезвления». Он охватывает временной промежуток с февраля 1921 по апрель 1923 г. Этот период имеет принципиальное отличие от предыдущего, поскольку его основу составляет деятельность группы «идейных филателистов-коллекционеров» по созданию принципиально нового филателистического общества, построенного на идеалах Октябрьской революции. Характерной особенностью этого периода было сложившееся в филателистическом сообществе своеобразное двоевластие, когда фактически одновременно появляются две государственные структуры, отвечавшие за развитие советской филателии. Первым

было созданное при Народном комиссариате почт и телеграфов Российское бюро филателии. Второй была появившаяся чуть позднее Организация уполномоченного ЦК Помгол при ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей. Такое государственное двоевластие, по мнению Б. Розова, в итоге привело к шатаниям среди «идейных филателистов». Проблема заключалась в том, что Российское бюро филателии (РБФ) очень быстро проявило себя как организация, в которой преобладали сторонники традиционного, индивидуального, подхода к филателии, а, следовательно, РБФ оказалось ничем иным, как тем же МОФИК, «мертворожденной отрыжкой старой безыдейной филателии». С другой стороны, организация уполномоченного с традиционной филателией имела мало общего, сосредоточившись на решении сугубо практических задач по накоплению филателистических запасов с целью их последующей реализации за рубежом и отстаиванием марочной монополии государства в целом. Такое двоевластие двух государственных организаций долго продолжаться не могло, и уже с середины 1922 г., когда практически все полномочия в области филателии были переданы организации уполномоченного, ориентация филателистов сместилась в направлении последней [6. С. 12–14].

Несколько позднее Ф.Г. Чучин дал весьма образное описание этих пяти лет. События Октябрьской революции, по его мнению, стали очистительным огнем, в результате которого на месте дореволюционной филателии «...остались только обгорелые пни, гниющие группы деревьев и не поддающийся очистительному действию революционного пламени колющий бурьян, который после расчистки пожарища пришлось вырубать, выкорчевывать, сваливать в специальные кучи и сжигать методически по всем правилам уголовного кодекса на раскаленных горнах пролетарского правосудия». Последующие после революции пять лет стали, таким образом, периодом «подсечного хозяйства», где главным инструментом стала возглавляемая им организация уполномоченного, которая «...посеяла на образовавшейся гари первые семена общественной и государственной филателии, приличествующие рабоче-крестьянской стране» [4. С. 1–3].

С апреля 1923 г. начинается третий период – «период строительства». Главной движущей силой этого строительства, по Б. Розову, должно было стать созданное 6 апреля 1923 г. Всероссийское общество филателистов. Этот день ознаменовал окончательную победу «идейной филателии», облаченной в одежды общественной организации, над приверженцами старой буржуазной филателии, и, следовательно, его можно считать днем рождения советской общественной филателии [6. С. 14].

Однако, следует учитывать тот факт, что предложенная Б. Розовым периодизация развития филателистического движения в Советской России в конце 1910-х – начале 1920-х гг. была представлена советской филателистической общественности тогда, когда РБФ уже практически утратило какое-либо значение. Двоевластие закончилось победой Организации уполномоченного, которая превратилась в монополиста в обла-

сти филателии как внутри страны, так и за ее пределами. Дореволюционный «чужой» был побежден и в теории, и на практике.

Исходя из этого, вся предлагаемая периодизация развития филателистического движения в Советской России теперь была подчинена государственному подходу, а основным системообразующим органом развития филателии становилась Организация уполномоченного по филателии и бонам (ОУФБ), во главе которой стоял Ф.Г. Чучин. В данном случае Б. Розов лишь развивал точку зрения Ф.Г. Чучина о том, что переломным годом в развитии советской филателии стал 1922 г. Ф.Г. Чучин исходил из того, что в течение этого года организация переживала два этапа: первый – с апреля по сентябрь, второй – с октября по декабрь. Первый этап Ф.Г. Чучин характеризует как самостоятельный, где роль организации сводилась исключительно к организации сбора марочных пожертвований и разъяснению смысла этого сбора. Реализация и обработка собранных пожертвований была возложена тогда на Наркомат внешней торговли, а общее руководство филателистической жизнью должно было осуществлять РБФ. Начало самостоятельного этапа в деятельности организации Ф.Г. Чучин связывает с опубликованием 21 сентября 1922 г. специального постановления ВЦИК и СНК по филателии, на основании которого Организация уполномоченного получила от государства право на монополию в области филателии как внутри страны, так и за рубежом [7. С. 1–5].

Деятельность Организации уполномоченного в начальный период ее существования Ф.Г. Чучин описал достаточно красноречиво: «Тернист и труден был путь новой организации в течение первого года ее существования. Много у нее было недругов по личным и ведомственным мотивам, и с этими недругами ей пришлось выдержать упорную борьбу, отстаивая свое право на существование. Мало друзей, способных поддержать и защитить ее в трудную минуту. А больше всего – невежества, непонимания и равнодушия, встречавших ледяным холодом, мертвящей скукой и снисходительным безразличием все ее живые благотворные порывы...» [8. С. 2].

Мнение Ф.Г. Чучина о значении событий 1922 г. и факта создания Организации уполномоченного полностью разделял еще один из функционеров от филателии Б. Раевский, который писал: «Признав филателию не пустой забавой, не пережитком буржуазных прихотей, она (Организация. – А.В.) легализовала коллекционирование марок и тем вывела коллекционеров из чрезвычайно стеснительного положения. Легализовав филателию, Организация не могла не обратить внимание и на работу фальсификаторов. Она приняла широкие и действительные меры к ликвидации их работы и – надо сказать – успешно выполнила свою задачу. Этим она подняла за границей доверие к русской марке».

Особая заслуга ОУФБ, по мнению Б. Раевского, заключалась в установлении марочной монополии и создании системы контроля за заграничным обменом российских коллекционеров. Кроме того, именно организация способствовала появлению первой совет-

ской общественной организации в области филателии – ВОФ. Наконец, важной вехой в организационном укреплении филателистического движения в Советской России стало создание специализированного журнала «Советский филателист», главным редактором которого был назначен Ф.Г. Чучин. «Наконец, – подытоживает Б. Раевский, – всей своей деятельностью Организация всколыхнула коллекционеров, толкнула их к общественности и, напомнив, что филателисты должны не только собирать марки, но и двигать филателию, как науку, вызвала их к работе в области научной филателии» [3. С. 7–10].

К середине 1920-х гг., в условиях изменяющейся в условиях нэпа общественно-политической и экономической ситуации внутри страны, позиция фактического руководителя советской филателии Ф.Г. Чучина становится все более жесткой и бескомпромиссной по отношению к любым, как ему казалось, проявлениям буржуазных пережитков в отечественном филателистическом движении. События мировой и российской истории Ф.Г. Чучин напрямую ассоциирует с событиями, имевшими место в российской филателии 1917–1925 гг., которые пережили свой Февраль и Октябрь. Февраль разрушил диктатуру немецкого каталога почтовых марок Зенфа, столь популярного среди русских филателистов дооктябрьского периода. Советская власть запустила механизм переоценки ценностей в филателии. Общественность сменила авторитеты, индивидуальный интерес среди коллекционеров начинает уступать коллективному. Большую роль в этом, по мнению Ф.Г. Чучина, сыграли проведенные в начале 1925 г. I Съезд ВОФ и Первая всесоюзная выставка по филателии, бонистике и нумизматике. Итоги двух этих мероприятий вовлекли филателистическое движение в СССР в свой Октябрь, когда начинает формироваться программа подлинной советской филателии.

Для этой филателии, как считает Ф.Г. Чучин, мало «пассивного объяснения» существующего мира, она должна активно способствовать его переустройству на коммунистических началах. Его тезис о советской филателии обретает четкость и определенность: «Никогда не существовало и быть не может аполитичной филателии, как никогда не было и быть не может “чистого искусства”, “чистой науки”». Филателия может быть инструментом пропаганды и прикладным средством либо для сохранения буржуазного общества, либо для строительства нового социалистического общества. Середины в этой диспозиции в условиях сохранения империалистических государств и ожесточенной классово-борьбы быть не может, а следовательно, всем коллекционерам необходимо самоопределиваться и занять ту или иную сторону по отношению к ней [9. С. 2–3].

Спустя год меняющаяся советская действительность вновь вторгается в попытки Ф.Г. Чучина объяснить ход развития советского филателистического движения. Теперь в качестве идеологического основания отдельных периодов его развития используются лозунги, которые должны были объединить коллекционеров страны в единое целое. Все началось в 1922 г., когда был выдвинут лозунг «Сберегая почто-

вую марку – даешь кусок хлеба голодному!» В основном в этот год филателия играла сугубо пропагандистскую роль, создавая за счет системы марочных пожертвований филателистические запасы, которые затем реализовывались за рубежом с целью получения валюты для приобретения необходимых стране продуктов питания. На смену ему пришел лозунг «Филателия – детям!», под которым 19 августа 1922 г. на Московском почтамте был проведен «День филателиста» и выпущена первая благотворительная серия марок в пользу детей. Выручка от ее реализации, как указывает Ф.Г. Чучин, частично была использована как материальная основа для создания самостоятельной советской филателистической организации.

Следующим лозунгом был лозунг «Филателия – трудящимся!», появившийся 1 мая 1923 г. и сопровождавшийся выпуском очередной благотворительной серии почтовых марок. Однако более существенным было создание Всероссийского общества филателистов, что означало появление, наряду с государственной, общественной филателии. Это создало возможность выдвинуть следующий лозунг, содержание которого касалось интересов как Советского государства, так и отдельных филателистов-общественников: «Долой фальсификаторов и спекулянтов-марочников!».

1924 г. ознаменовался работой по созданию первой международной филателистической организации на пролетарской основе. Выдвигается лозунг «Филателисты всех стран, объединяйтесь!», создается Филателистический интернационал, который проводит свой первый учредительный съезд в начале 1925 г.

Однако такая бурная деятельность со стороны организаторов филателистического движения в СССР, по-видимому, не встречала, с точки зрения Ф.Г. Чучина, должного понимания среди руководства страны. Обида сквозит в его словах, когда он пишет: «Начав свою работу без всяких материальных средств, с одними добрыми намерениями, при бесплатном труде немногих энтузиастов, среди презрительных насмешек окружающих невежд и равнодушном скептицизме знатоков, с одною верою в успех начатого дела, но без должных навыков и опыта, неслышно и незримо для широкой публики проходили мы свой тернистый путь, постепенно шаг за шагом отвоевывая свое право на существование и добиваясь всеобщего признания. Ежегодно меняя своих хозяев (НКВТ, ЦК Помгол, ЦК Последгол, Особая секция), которые мало интересовались нами, мы пришли теперь к обслуживанию фонда имени В.И. Ленина помощи беспризорным детям и бросаем в массы очередной лозунг “Филателия – беспризорным!”».

У руководителя Организации уполномоченного еще сквозит надежда на лучшие времена, когда он заявляет, что «мы надеемся, что в дальнейшем – при более лучших объективных условиях – наша скромная работа будет протекать не менее успешно и плодотворно» [10. С. 1–3].

Однако пессимистические нотки об итогах развития советского филателистического движения проскальзывают у другого функционера от филателии Б. Розова. Он называет период 1922–1926 гг. самым трудным в развитии советской филателии. Главная же

трудность, по его мнению, вытекала из-за того факта, что Организация уполномоченного не имела статуса юридического лица, и это существенно ограничивало ее возможности в осуществлении разного рода экономических операций [11. С. 1]. Ситуацию должно было исправить создание Советской филателистической ассоциации (СФА) 25 октября 1926 г., которая стала правопреемником, но с расширенными полномочиями, Организации уполномоченного ВЦИК по филателии и бонам [12. С. 1].

Таким образом, в развитии советского филателистического движения самими современниками событий достаточно четко выделяется период 1922–1926 гг., который в качестве рубежей имеет два постановления ВЦИК и СНК – о филателии и о создании Советской филателистической ассоциации. Однако эйфория начала периода, связанная с созданием государственной и общественной организаций в области филателии и их достаточно мирном сосуществовании, проведение двух съездов ВОФ, Всесоюзной выставки по филателии, бонистике и нумизматике, создание международного Филателистического интернационала, к концу периода сменяется появлением пессимистических ноток в заявлениях руководителей филателистического движения и жалобами на отсутствие должного внимания со стороны руководства партии и страны. Но, тем не менее, это период, когда доминируют исключительно «Свои», а «Чужие» отправлены на свалку истории, когда оптимизм еще преобладает над пессимизмом в реальной практике филателистического движения.

Этот нарастающий пессимизм очень скоро обозначился в реальной практике дальнейшего развития филателистического движения в СССР, столкнувшегося с оппозицией «современники – потомки». Если события в филателистическом движении до 1926 г., как мы видели, пытались уложить в определенные периоды сами современники, руководители этого филателистического движения, то для 1927 г. такие попытки полностью отсутствуют. Стремление создать некую периодизацию процесса переходят в руки потомков, которые современниками тех событий уже не были, да и работы подобного рода, за небольшим исключением [13. С. 17–26], в филателистической литературе практически отсутствуют.

Все статьи и заметки 1927–1932 гг., напечатанные на страницах главного филателистического журнала, были напрямую связаны с последствиями расширенного Пленума ВОФ, состоявшегося в июне 1927 г., III съезда ВОФ (декабрь 1927 г.) и изменения руководства ВОФ и СФА в 1928 г. – начале 1929 г. и оценивались противоборствующими сторонами исключительно как повседневная борьба между прошлым и настоящим. Полюса поменялись, бывшая так называемая вофовская оппозиция встала у руководства Общества. Ф.Г. Чучин покинул пост руководителя СФА, а Л.К. Эйхфус – пост руководителя Филинтерна [14. С. 1–6; 15. С. 1–3; 16. С. 1–3; 17. С. 1–3; 18. С. 4–5]. Страна, согласно решению XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), вступала в реконструктивный период [19. С. 398–443], и влияние партийной риторики находило свое прямое отражение как в названиях отдельных

опубликованных статей, так и в их содержании. Прямо констатировался факт, что советская филателия сохраняет еще слишком много буржуазных черт, что она страдает аполитичностью, хотя должна бы быть тесно связана с почтовыми марками, которые являются политическими документами и играют важную роль в международном обмене как символ советской страны [20. С. 265–266; 21. С. 29–33; 22. С. 78]. Филателия, по мнению М. Сюзюмова, должна была стать массовым явлением, одним из каналов, проводящим массы «...к победам на культурном фронте, средством развития кругозора и интернациональных связей» [23. С. 120].

Своеобразным резюме задач советской филателии в реконструктивный период на основе решений XVI съезда ВКП(б) стало заявление Э. Нуркаса, председателя президиума Московского отдела ВОФ: «Советская филателия, являющаяся орудием агитации и пропаганды в интересах рабочего класса и соцстроительства, отражая все моменты борьбы и достижений рабочего класса на фронте построения социалистического общества, должна в своем существовании соответствовать большевистским темпам и задачам, стоящим перед советской филателией» [24. С. 200].

Нараставший скептицизм со стороны руководства страны в отношении роли общественных организаций, особенно тех, которые явно несли на себе «отметины прошлого», усугублялся непростыми отношениями между государственными органами в сфере филателии СФА и пытавшегося выйти из состояния внутреннего кризиса ВОФ. Так, в очередной юбилейной статье К. Дунин-Борковский призывает приложить все усилия, чтобы филателия (а значит, ВОФ) не осталась на задворках истории, чтобы лозунг «догнать и перегнать» стал основой существования филателистического движения. «Роль филателистической общности – внедрить филателию в массы, осмыслить ее в глазах этих масс и тем самым пронизать Октябрем самое бытие филателии... Да здравствует филателия как орудие классовой борьбы, классового воспитания, научно-технической и политической пропаганды, углубления культурной революции, повышения обороноспособности страны трудящихся и помощи социалистическому строительству!» [5. С. 293].

В свою очередь, руководитель СФА М.В. Милосердов прямо указывал на факт весьма сложных отношений между СФА и ВОФ в последние годы, которые проявлялись во взаимном недоверии, а порой непонимании и даже озлобленности. Преодоление этого возможно, по его мнению, только в случае если СФА и ВОФ будут работать в теснейшем контакте, выдвигая на первый план *государственные интересы*. Он призывает отказаться от старых привычек, прежде всего индивидуализма, которые характерны для некоторых членов ВОФ. Он фактически указывает руководству ВОФ: «Пора уже перестать смотреть на СФА как на организацию, якобы проводящую враждебную ВОФ политику. Смешно вообще думать, что государственная организация, каковой является СФА, вообще может встать на этот путь. Надо всегда иметь в виду, что СФА осуществляет серьезные государственные задачи и ни в какой мере не заинтересована в порче

отношений с ВОФ. И если в своей работе она твердо и неуклонно ограждает интересы марочной монополии и политику максимального увеличения валютных фондов, то в этой области она не может идти и не пойдет ни на какие уступки во имя личных интересов коллекционеров» [25. С. 4].

Руководство ВОФ практически сразу отреагировало на данное указание со стороны государственного органа филателии. Все тот же глава Московского отдела ВОФ Э. Нуркас поспешил заверить представителя государственной организации в том, что ВОФ предпримет все дальнейшие шаги по нормализации отношений между двумя организациями и постарается ликвидировать все проявления несработанности и взаимного недопонимания задач, стоящих перед советской филателией. Однако руководство ВОФ не было полностью уверено в том, что преодолеть состояние конфронтации между двумя организациями в ближайшее время будет возможно, поскольку «...в единичных случаях начинания встретят недоброжелательное или хотя бы недоверчивое отношение со стороны отдельных членов ВОФ или работников СФА, которые при оценке новых веяний будут руководствоваться впечатлениями прошлого и которые настолько проникнуты духом антагонизма, что попросту неспособны верить в возможность дружеских отношений между ВОФ и СФА» [26. С. 5–8].

Такие судорожные попытки сохранить само существование ВОФ как организации, предпринимаемые его руководством, найти компромисс с государственной структурой, а значит, и с руководством страны лишь на время оттянули реальное, де-факто, свертывание ее деятельности. ВОФ удалось сохранить деюре. 20 мая 1932 г. Президиум ВЦИК СССР принял решение о нецелесообразности ликвидации ВОФ. Слова благодарности со стороны ВОФ прозвучали незамедлительно и полностью передавали складывавшуюся к тому времени общую атмосферу в СССР: «В этом сказывается особая глубина и мудрость высшего правительственного органа, который на фоне крайне неблагоприятной для ВОФ обстановки, в свете его собственных ошибок и упущений, а также при наличии ряда определенно тенденциозных моментов, о которых здесь нет нужды говорить, – без особого труда и усилия сумел определить сущность нашей организации как культурного звена в советской системе и в силу этого дать ему возможность исправить в дальнейшем свои недочеты и повести работу в нужном для нашей страны направлении» [27. С. 163].

Однако спасти общественное филателистическое движение в СССР в итоге не удалось. Так завершился еще один период советского филателистического движения, характеризующийся жесткой конфронтацией между государственным и общественным видением места филателии в социалистическом строительстве, период, который начался с поиска «врагов» среди прежнего руководства всех ранее созданных структур, отвечавших за развитие филателии как внутри страны, так и за рубежом. Для самих участников этой борьбы этот конфликт, выплеснувшийся на страницы единственного официального филателистического журнала, вполне укладывался в рамки проти-

востояния «Чужих» и «Своих». Однако, исходя из этой бинарной оппозиции, с точки зрения современных представлений о ходе исторического развития советского государства и общества мы можем попытаться уточнить это противостояние с несколько иных позиций.

Понятие «Чужие» в данном случае, в том числе с точки зрения самих современников этих процессов, к началу 1930-х гг. четко ассоциировалось с представителями дореволюционной отечественной филателии. Такой взгляд окончательно сложился к концу 1926 г. и более не изменялся. Однако оценить краткий период кризиса 1927–1932 гг. современникам было сложнее. Часть тех, кто был «Своим», теперь уже выходил за эти рамки, но не укладывался в понятие «Чужие». Зачастую огульная критика прежних руководителей филателии еще не отрицала их принадлежность к советской и партийной элите. Они превращались в каких-то «Других», они уже не одни из «Своих», они отличаются от «Своих», но еще не превратились в «Иных», а поэтому агрессия по отношению к ним пока не переходит границ литературной полемики, лишь частично проявляясь в реальной практике. Они своеобразные «Свои – Другие». Но это их состояние временное, которое совсем скоро превратится в состояние «Бывшие Свои – Чужие», и, как и классическим «Чужим», им не должно было найти свое место в советской филателистической действительности.

Наконец, последний период развития советского филателистического движения охватывает 1933–1941 гг. Этот период весьма трудно оценивать с точки зрения его восприятия современниками, поскольку последние фактически лишились какой-либо возможности высказывать свое мнение. С 1933 г. прекращается издание журнала «Советский коллекционер», который был единственной площадкой для обмена мнений среди советских филателистов. В 1934 г. репрессиям подвергается председатель ВОФ К. Дунин-Борковский, начинают сворачивать свою деятельность региональные отделы ВОФ. Давление со стороны государства усиливается, и это было связано с общей политикой, направленной на закрытие организаций и общественных объединений, носящих политико-просветительский характер. В 1938 г. была ликвидирована СФА, на смену которой пришли Главная филателистическая контора, реализовывавшая почтовые марки внутри страны, и «Международная книга», отвечавшая, в том числе, за внешнеэкономическую деятельность в области филателии. В конце 1930-х гг. многие члены ВОФ, особенно связанные с заграничным филателистическим обменом, подверглись репрессиям, охватившим страну. Само общество прекратило свое существование в июле-августе 1941 г.

Таким образом, когда речь идет о периодизации развития филателистического движения в России, следует исходить из того, что предлагаемые периоды ее развития и их хронологические рамки обуславливались общим состоянием дел в стране и меняющейся общественно-политической и экономической обстановкой. Часть периодов предложили сами современники, взяв за основу первоначально ключевые даты в истории развития филателистического движения, а затем

связав эти даты и периоды с появлением и ролью основных государственных и общественных организаций в области филателии. При характеристике первых четырех этапов (с дореволюционного до 1933 г.) сами современники стояли на ярко выраженном принципе партийности в оценке происходившего как в прошлом, так и настоящем. Однако сам принцип партийности во многом определялся политико-идеологическими и практическими установками съездов РКП(б) – ВКП(б), которые вплоть до 1930 г. отражали борьбу и внутри

самой Коммунистической партии. Такая ситуация породила крайние формы субъективизма в оценке основных периодов становления советского филателистического движения, меняя, таким образом, и содержание бинарной оппозиции «Свой – Чужой». Последний, заключительный, период развития довоенной советской филателии уже не оценивается самими современниками, а может быть выделен исключительно исходя из знаний потомков о развитии филателистического движения в СССР в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наши задачи // Советский филателист. 1922. № 1. С. 3–4.
2. Чучин Ф.Г. Октябрьская революция и филателия // Советский филателист. 1922. № 3–4. С. 1–6.
3. Раевский Б. К годовщине советской филателии // Советский филателист. 1923. № 9–10. С. 7–10.
4. Чучин Ф.Г. Вторая годовщина // Советский филателист. 1924. № 10 (26). С. 1–3.
5. Дунин-Борковский К. Филателия и Октябрь // Советский коллекционер. 1931. № 11 (123). С. 291–293.
6. Розов Б. Взгляд назад. (К юбилею ВОФ) // Советский филателист. 1924. № 5 (21). С. 12–14.
7. Чучин Ф.Г. Итоги и перспективы // Советский филателист. 1923. № 1–2. С. 1–6.
8. Чучин Ф.Г. Наша годовщина // Советский филателист. 1923. № 9–10. С. 1–6.
9. Чучин Ф.Г. Октябрь в филателии // Советский коллекционер. 1925. № 5 (33). С. 2–3.
10. Чучин Ф.Г. Филателия и беспризорность. (К итогам за первые 4 года) // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1926. № 5 (57). С. 1–3.
11. Розов Б. Советская филателистическая ассоциация // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1926. № 12 (64). С. 1.
12. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР об образовании Советской филателистической ассоциации // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1926. № 11 (63). С. 1.
13. Кулаков В.В. Основные вехи истории филателии в нашей стране // 25 лет Союзу филателистов СССР. М., 1991. 31 с.
14. Редакционная. Вофовский актив и вофовская оппозиция // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1927. № 8 (71). С. 1–6.
15. Чучин Ф.Г. Накануне двух юбилеев // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1927. № 9 (72). С. 1–3.
16. Чучин Ф.Г. Десятилетие Октября и пятилетие ОУ и СФА // Советский филателист – Советский коллекционер – Radio de Filintern. 1927. № 10 (74). С. 1–3.
17. Геррес Ю. Первоочередные задачи СФА // Советский коллекционер. 1929. № 1–3 (89–91). С. 2–3.
18. Френкель А. Неотложные задачи ВОФ // Советский коллекционер. 1929. № 1–3 (89–91). С. 4–5.
19. Шестнадцатый съезд ВКП(б). Москва, 26 июня – 13 июля 1930 г. // ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II: 1925–1935. 5-е изд. М., 1936. 694 с.
20. Дунин-Борковский К. Надо решительно подняться // Советский коллекционер. 1930. № 11 (111). С. 265–266.
21. Сюзюмов М. Задачи ВОФ в реконструктивный период (Тезисы в порядке обсуждения) // Советский коллекционер. 1931. № 2 (114). С. 29–33.
22. Сюзюмов М. О соревновании в ВОФ // Советский коллекционер. 1931. № 3 (115). С. 78.
23. Сюзюмов М. Об юридическом членстве // Советский коллекционер. 1931. № 5 (117). С. 120–121.
24. Нуркас Эд. Работу на социалистические рельсы (К перестройке работы Президиума МО ВОФ) // Советский коллекционер. 1931. № 7 (119). С. 200–202.
25. Милосердов М.В. Рука об руку // Советский коллекционер. 1932. № 1 (125). С. 4–5.
26. Нуркас Эд. За дружную работу // Советский коллекционер. 1932. № 1 (125). С. 5–8.
27. Каплан В.П. Оправдать доверие // Советский коллекционер. 1932. № 6 (130). С. 163.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 августа 2020 г.

Formation of the Soviet Philatelic Movement in 1917–1941: Identification of “Friends” and “Foes” Through the Eyes of Contemporaries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 178–186.

DOI: 10.17223/15617793/459/22

Alexey V. Yakub. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: avy59@mail.ru

Keywords: RSFSR; USSR; philately; state and public organizations; “friend” and “foe”.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-09-00153.

The specificity of the history of the formation of the philatelic movement in the RSFSR/USSR in the 1920s–1930s is that it was not historians but people who often had a very distant relation to philately as a field of collecting that made attempts to systematize the material and identify the main periods of its development. Such people did not go beyond the then party-political guidelines in their ideas, thus seeking to follow the “general line of the party” defined by party documents both in the theory of philately and in practice. The situation is supported by the uniqueness of the source base, since the only source that can be used to reconstruct contemporaries’ understanding of the development of philately in the 1920s–1930s is a specialized philatelic journal that acted as a guide to the state policy in the field of philately. The author came to the following conclusions. Identifying the pre-revolutionary period of the development of Russian philately (before 1917), representatives of “ideological philatelists-collectors” interpreted it exclusively as a “foe” period, which had to be ostracized due to its non-proletarian nature. A characteristic feature of the 1917–1921 period is a kind of a “dual power” that developed in the philatelic community with two state structures simultaneously responsible for the development of Soviet philately: the Russian Philately Bureau and the Organization of the Commissioner of the Central Committee of

Pomgol under the All-Russian Central Executive Committee for stamp donations in Russia and abroad. The 1922–1926 period is characterized by the overcoming of the “dual power” and the creation of the first public organization, the All-Russian Society of Philatelists (VOF). However, the euphoria of the beginning of the period (associated with the intense activity of VOF; holding of two congresses and an all-Union exhibition of philately, bonistics and numismatics; creation of Philatelic International) gave way to the emergence of pessimistic tones in the philatelic movement leaders’ statements about the lack of proper attention from the leadership of the party and the country by the end of the period. During this period, “friends” dominated in philately, “foes” were consigned to the ash heap of history, and optimism still prevails over pessimism in the actual practice of the philatelic movement. The following period, 1927–1932, was a period of crisis: relations between the Soviet Philatelic Association and VOF became very tense, and there were serious disagreements within VOF itself. The situation in the country was changing, pressure from the state was increasing, political and educational organizations were beginning to close, which fully affected the philatelic movement in the USSR.

REFERENCES

1. *Sovetskiy filatelist*. (1922) Nashi zadachi [Our tasks]. 1. pp. 3–4.
2. Chuchin, F.G. (1922) Oktyabr'skaya revolyutsiya i filateliya [The October Revolution and Philately]. *Sovetskiy filatelist*. 3–4. pp. 1–6.
3. Raevskiy, B. (1923) K godovshchine sovetsoy filatelii [On the anniversary of Soviet philately]. *Sovetskiy filatelist*. 9–10. pp. 7–10.
4. Chuchin, F.G. (1924) Vtoraya godovshchina [Second anniversary]. *Sovetskiy filatelist*. 10 (26). pp. 1–3.
5. Dunin-Borkovskiy, K. (1931) Filateliya i Oktyabr' [Philately and October]. *Sovetskiy kollektzioner*. 11 (123). pp. 291–293.
6. Rozov, B. (1924) Vzgl'yad nazad. (K yubileyu VOF) [Looking back. (To the anniversary of the All-Russian Society of Philatelists)]. *Sovetskiy filatelist*. 5 (21). pp. 12–14.
7. Chuchin, F.G. (1923a) Itogi i perspektivy [Results and prospects]. *Sovetskiy filatelist*. 1–2. pp. 1–6.
8. Chuchin, F.G. (1923b) Nasha godovshchina [Our anniversary]. *Sovetskiy filatelist*. 9–10. pp. 1–6.
9. Chuchin, F.G. (1925) Oktyabr' v filatelii [October in philately]. *Sovetskiy kollektzioner*. 5 (33). pp. 2–3.
10. Chuchin, F.G. (1926) Filateliya i besprizornost'. (K itogam za pervye 4 goda) [Philately and homelessness. (To the results of the first 4 years)]. *Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektzioner – Radio de Filintern*. 5 (57). pp. 1–3.
11. Rozov, B. (1926) Sovetskaya filatelisticheskaya assotsiatsiya [Soviet Philatelic Association]. *Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektzioner – Radio de Filintern*. 12 (64). p. 1.
12. *Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektzioner – Radio de Filintern*. (1926) Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ob obrazovanii Sovetskoy filatelisticheskoy assotsiatsii [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR on the formation of the Soviet Philatelic Association]. 11 (63). p. 1.
13. Kulakov, V.V. (1991) *Osnovnye vekhi istorii filatelii v nashey strane* [The main milestones in the history of philately in our country]. In: *25 let Soyuzu filatelistov SSSR* [25 years of the Union of Philatelists of the USSR]. Moscow: [s.n.].
14. *Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektzioner – Radio de Filintern*. (1927) Redaktsionnaya. Vofovskiy aktiv i vofovskaya oppozitsiya [Editorial. All-Russian Society of Philatelists' active and opposition]. 8 (71). pp. 1–6.
15. Chuchin, F.G. (1927) Nakanune dvukh yubileev [On the eve of two anniversaries]. *Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektzioner – Radio de Filintern*. 9 (72). 33. 1–3.
16. Chuchin, F.G. (1927) Desyatiletie Oktyabrya i pyatiletie OU i SFA [The tenth anniversary of the October and the fifth anniversary of the Organization of the Commissioner for Philately and Scripophily and the Soviet Philatelic Association]. *Sovetskiy filatelist – Sovetskiy kollektzioner – Radio de Filintern*. 10 (74). pp. 1–3.
17. Gerres, Yu. (1929) Pervoocherednye zadachi SFA [Priority tasks of the Soviet Philatelic Association]. *Sovetskiy kollektzioner*. 1–3 (89–91). pp. 2–3.
18. Frenkel', A. (1929) Neotlozhnye zadachi VOF [Urgent tasks of the All-Russian Society of Philatelists]. *Sovetskiy kollektzioner*. 1–3 (89–91). pp. 4–5.
19. VKP(b). (1936) *Shestnadtsatyy s"ezd VKP(b)*. Moskva, 26 iyunya – 13 iyulya 1930 g. [Sixteenth Congress of the VKP(b). Moscow, June 26 – July 13, 1930]. In: *VKP(b) v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [VKP(b) in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. II: 1925–1935. 5th ed. Moscow: [s.n.].
20. Dunin-Borkovskiy, K. (1930) Nado reshitel'no podtyanut'sya [We must resolutely catch up]. *Sovetskiy kollektzioner*. 11 (111). pp. 265–266.
21. Syuzumov, M. (1931a) Zadachi VOF v rekonstruktivnyy period (Tezisy v poryadke obsuzhdeniya) [Tasks of the All-Russian Society of Philatelists in the reconstruction period (theses in discussion)]. *Sovetskiy kollektzioner*. 2 (114). pp. 29–33.
22. Syuzumov, M. (1931b) O sorevnovanii v VOF [On competition in the All-Russian Society of Philatelists]. *Sovetskiy kollektzioner*. 3 (115). p. 78.
23. Syuzumov, M. (1931c) Ob yuridicheskom chlenstve [On juridical membership]. *Sovetskiy kollektzioner*. 5 (117). pp. 120–121.
24. Nurkas, Ed. (1931) Rabotu na sotsialisticheskie rel'sy (K perestroyke raboty Prezidiuma MO VOF) [Putting work on socialist rails (On restructuring the work of the Presidium of the Moscow Division of the All-Russian Society of Philatelists)]. *Sovetskiy kollektzioner*. 7 (119). pp. 200–202.
25. Miloserdov, M.V. (1932) Ruka ob ruku [Hand in hand]. *Sovetskiy kollektzioner*. 1 (125). pp. 4–5.
26. Nurkas, Ed. (1932) Za druzhnuyu rabotu [For joint work]. *Sovetskiy kollektzioner*. 1 (125). pp. 5–8.
27. Kaplan, V.P. (1932) Opravdat' doverie [To meet expectations]. *Sovetskiy kollektzioner*. 6 (130). p. 163.

Received: 10 August 2020